

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**Материалы региональной
научно-практической конференции
«Вузовская наука – народному хозяйству».
4-5 июня 2002 г.**

ГРОЗНЫЙ – 2003

Печатается по решению Ученого Совета Чеченского государственного университета

Редакционная коллегия: А.Д. Хамзаев, М.У. Умаров (ответственный редактор), Ш.Б. Ахмадов, Ш.А. Джамбеков (зам. ответственного редактора), С.Я. Юсупова, М.И. Халидов.

УДК 08 (063)
ББК 9
Т – 29

В сборник материалов региональной научно-практической конференции «Вузовская наука – народному хозяйству», посвященной 30-летию со дня образования Чеченского государственного университета, вошли работы ученых вузов и исследовательских центров Чеченской Республики последних лет, а также научные изыскания специалистов Москвы, Санкт-Петербурга, Нальчика, Майкопа, Махачкалы и других регионов ближнего и дальнего зарубежья. Доклады, прочитанные на конференции, отображают научный потенциал республики и всю палитру исследований ученых по различным проблемам науки и производства.

(С) Чеченский государственный университет

Материалы региональной научной конференции ЧГУ «Вудовская наука — народному хозяйству». Грозный, 2003

Ввиду отсутствия в национальных районах Северного Кавказа научных кадров — привлекаются учёные из центра.

Основной же нормой организации науки стали научные общества, мобилизовавшие научные силы для изучения этих районов. Так, в 1924 г. возникло Ингушское научное общество³, в которое к 1930 г. входило 58 человек⁴ и которое объединило широкие круги литераторов, переводчиков, педагогов, студентов, аспирантов, научных работников. В 1929 г. возникло Чеченское научное общество в результате слияния Грозненского и Чеченского, зарегистрированных членов которого составляло 160 человек⁵.

По специальностям они распределились следующим образом:⁶

педагоги	врачи	агрономы	советские служащие	инженеры	художники
73	46	4	13	6	5

юристы	экономисты	музыкальные деятели	учащиеся	рабочие
5	5	3	3	2

Деятельность научных обществ протекала в постоянном контакте с музеями краеведения. Они ставили перед собой широкий круг задач: от организации научных исследований до популяризации научных знаний среди широких масс населения.

Объединённым центром краевой работы в национальных областях в 1927 г. стал Краевой горский научно-исследовательский институт в г. Ростов-на-Дону, который ни в коей мере не нарушал самостоятельности исследовательских институтов в подготовке аспирантов, в проведении научных экспедиций с целью изучения районов в естественно-историческом, экономическом, этнографическом, археологическом аспекте⁷.

На базе научно-технических обществ создавались новые научно-исследовательские институты, обслуживающие промышленность — Дагестанский, Грозненский.

К 1931 году в крае насчитывается 5 индустриальных научно-исследовательских института, возросла сеть научных учреждений, обслуживающих сельское хозяйство, научных медицинских учреждений. Например, к 1939 г. в крае насчитывается 4 медицинских института (в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Северной Осетии, Дагестане), число сельскохозяйственных вузов возросло по сравнению с 1925 г. почти в 3 раза⁸.

Итак, к 1937 г. на Северном Кавказе действует разветвлённая сеть многопрофильных научных учреждений, охватывающих основные отрасли знаний тех лет.

Таким образом, наука в эти годы выступает фактором экономического прогресса и в свою очередь оказывает непосредственное влияние на культуру прогресса.

Литература

1. Бытракова М.С. // Становление советской системы организации науки. (1917-1922 г.). — М., 1973.
2. Есаков В.Д. // Советская наука в годы первой пятилетки. — М., 1971.
3. Госуниверситетский юбилейный сборник. (1915-1940 гг.) Ростов-на-Дону. — М., 1968-1969 гг.
4. Очерки истории Чечено-Ингушского НИИ. Т. I. — Грозный, 1967; т. II. Грозный, 1972.
5. ЦГА ЧИАССР, т. 310, 1, д. 14, л. 13.
6. ЦГА ЧИАССР, т. 310, 1, д. 14, л. 14-15.
7. Известия научного общества ЧАО, № 2, 1930. С. 65.
8. Известия научного общества ЧАО, № 2, 1930. С. 65.
9. Революция и горец, 1926, 15 (7). С. 23.
10. Народное хозяйство Северного Кавказа. — Ростов-на-Дону, 1932. С. 38.

К ВОПРОСУ О ТОТЕМЕ «САЙ» — ОЛЕНЬ В ИСТОРИИ СКИФОВ

Х.А. Хизриев (ЧГУ, г. Грозный)

В научных кругах в основном сложилось мнение, что скифы являются ираноязычным пришлым народом (Б.Н. Граков, А.П. Смирнов, М.И. Артамонов, Б.Б. Пиотровский, Е.И. Крупнов, Б.А. Рыбаков, Л.А. Ельницкий, А.И. Тереножкин, В.А. Абаев, С.В. Махорты, В.Г. Петренко, В.Б. Виноградов и др.). В последнее время высказана мысль и о тюркоязычности скифов (К.Т. Лайпанов, И.М. Мизиев, С.К. Баба-

ев), но к этой идее относятся весьма сдержанно. Совсем в тени остается мнение о яфетическом происхождении скифов, о принадлежности их к кавказской семье языков (академики Н.Я. Марр, И.А. Джавахишвили, К.З. Чокаев и др.), хотя оно нам представляется наиболее перспективным.

Если правильно локализовать скифские племена, то можно убедиться в том, что они с самого начала расселялись не только на Дону, Причерноморье и Украине, но и на Кавказе, что подтверждается археологическими раскопками, и не считались только чужими, пришлыми. Впервые их назвал «кавказцами» знаменитый греческий географ Страбон, еще на заре нашей эры. При этом в степной зоне они вели кочевой образ жизни, а в горах жили оседло: «Горную страну, занимают простолудины и воины, — пишет он, — жирующие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются также и земледелием. В случае каких-либо тревожных обстоятельств они выставляют много десятков тысяч воинов, как из своей среды, так и из числа скифов и сарматов (Страбон, XI, III,3). Кавказскую гору персы и арабы называли «каф», может быть, от этого слова произошло название «скифы» (скафы) т.е. кавказцы, кавказские горцы.

Ни один известный нам источник, в том числе хорошо знавший персов Геродот, на сведения которого чаще всего опираются скифологи, не утверждает, что скифы говорили на иранском (персидском) языке. Об ираноязычности скифов говорят некоторые современные исследователи на основе тенденциозного, на мой взгляд, толкования материалов ономастики. Но этот же материал может быть проанализирован учеными-кавказоведами на базе местных языков. Попробуем разобраться в данном вопросе с помощью кавказских языков, в частности, чеченского языка. Так, например, в период языческих религиозных верований «не зная своего истинного происхождения, не понимая подлинных связей с окружающим миром, кавказцы преклонялись перед многими животными, считая их своими предками (тотемами), восхищаясь их силой, стремительностью, благородством, храбростью, стараясь походить на них в этих качествах». Одним из наиболее почитаемых в древности животных у скифов и чеченцев был благородный олень (см.: МАК, вып. 8, табл. VIII-2, XI-4,5; XV-4, XVI-3; XVII-4, XXI-3; XXXVII-8; XXXVIII-2,3 и т.д.). Достаточно вспомнить знаменитый золотой олень из Куль-Обы. При раскопках скифских царских курганов изображение оленей находят на металле, керамике, камнях и т.д. В Чечне изображения оленей встречаются на скалах, башнях, дереве, коврах и бронзе. Имеются и «оленьи топонимы» (с Самашки — «место оленьих рогов». Сай бийна дукъ — «перевал, где убили оленя» и т.д.).

«У чеченцев считалось, — пишет этнограф С.А. Хасиев, — что дом, на воротах которого прибит олений череп (сен кур) с рогами, никогда не постигнет неудача, а благополучие и счастье будут вечными постоянными его. Охотник, у которого что-нибудь из оружия оправлено оленьим рогом, будет более удачлив в охоте, чем его товарищ, не имеющий такого оружия». Раньше чеченцы давали имена, восходящие к названиям животных и птиц: мужские имена: Борз — «волк»; Леча — «сокол»; Куьйра — «ястреб», женские имена: Човка — «галка»; Кхокха — «голубь» и др. Встречаются и сложные имена: Ламберд — «гора, обрыв»; Чаборз — «медведь, волк» и т.д.

Коль встречается столько скифско-чеченских этногенетических параллелей в этнографии, ономастике и обычаях, значит должны быть у скифов имена названные по чеченским традициям и расшифровывающиеся на чеченском языке. Согласно генеологическому преданию, сообщенному Геродотом, царский правящий род скифов произошел от трех братьев — Арбоксай, Липоксай и Колаксай, отцом которых был Таргитай (в грузинской транскрипции Таргомос — предок яфетидов). Имена братьев являются сложными и по ним видно, что тотемом царского рода был «сай» — олень. Старшего брата звали Арбоксай — прирученный, ручной олень, средний брат назван Липоксай — полный, округлый олень (Люпкак — дословно волдырь), младший брат, которому достался царский трон, носил имя Колаксай — третий олень (от слова колагI — третий). Археологические раскопки скифских царских курганов доказывают, что олень стал не только тотемом, но и гербом и амулетом (оберегом) царских скифов, ему приносили жертву.

«Скифы и сарматы, — писал академик И.А. Джавахишвили, — как это с достаточной очевидностью выясняется при помощи несомненного лексического материала, принадлежали лишь к северокавказским адыгейско-чечено-лезгинским народностям». Академики Н.Я. Марр и К.З. Чокаев в ряде своих работ также установили яфетическую природу скифского языка. Что касается сарматского языка, то он более подробно рассмотрен в книге Я.С. Вагапова «Вайнахи и сарматы» (Грозный, 1990 г.).

Напрашивается вывод, что скифы в основном были яфетидами и являются предками всех горцев Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, а не только осетин. Языковедам, археологам, историкам, этнографам и фольклористам Северного Кавказа следовало бы смелее вторгаться в скифо-сарматский мир и ломать устоявшуюся неверную традицию об их этнической принадлежности и расселении.

ВАЙНАХСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

Л.М. Гарсиев (ЧГУ, г. Грозный)

Одежда — один из важнейших элементов материальной культуры, в значительной степени отражающий этническую особенность.